

*Бестужев (Марлинский) Александр Александрович*

Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 года

Русская критика XVIII--XIX веков. Хрестоматия. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности N 2101 "Рус. яз. и литература". Сост. В. И. Кулешов. М., "Просвещение", 1978.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Активный участник декабристского движения, блестящий критик и писатель, вместе с К. Ф. Рылеевым издававший альманах "Полярная звезда". Бестужев написал несколько обзоров русской литературы, в которых рассматривал ее успехи в связи с развитием в ней гражданских мотивов и романтических тенденций. Высоко оценивая пафос обличительной комедии А. С. Грибоедова "Горе от ума", Бестужев, однако, не смог воздать должное первой главе "Евгения Онегина" А. С. Пушкина, которая вышла весной 1825 г., он судил о начале "романа в стихах" по канонам "высокой" романтической поэзии, и "будничным" колорит романа Пушкина ему казался слишком прозаичным. Стиль статей Бестужева был яркий, и он по праву считался ведущим критиком среди декабристов-литераторов.

Текст печатается по изд.: Бестужев А. А. (Марлинский). Соч., в 2-х т., т. 2. М., Гослитиздат, 1958, с. 547-558.

Словесность всех народов, совершая свое круготечение, следовала общим законам природы. Всегда первый ее век был возрастом сильных чувств и гениальных творений. Простор около умов высоких порождает гениев: они рвутся расшириться душою и наполнить пустоту. По времени круг сей стесняется: столбовая дорога и полуизмятые венки не прельщают их. Жажда нового ищет нечерпанных источников, и гении смело кидаются в обход мимо толпы в поиске новой земли мира нравственного и вещественного; пробивают свои стези; творят небо, землю и ад родников вдохновений; печатлеют на веках свое имя, на одноземцах свой характер, озаряют обоих своей славою и все человечество своим умом!

За сим веком творения и полноты следует век посредственности, удивления и отчета. Песенники последовали за лириками, комедия вставала за трагедиею; но история, критика и сатира были всегда младшими ветвями словесности. Так было везде, кроме России; ибо у нас век разбора предъидет веку творения; у нас есть критика и нет литературы; мы пресытились, не вкушая, мы в ребячестве стали брюзгливыми стариками! Постараемся разгадать причины столь странного явления.

Первая заключается в том, что мы воспитаны иноземцами. Мы всосали с молоком безнародность и удивление только к чужому. Измеряя свои произведения исполинскою мерою чужих гениев, нам свысока видится своя малость еще меньшею, и это чувство, не согретое народною гордостью, вместо того чтобы возбудить рвение сотворить то, чего у нас нет, старается унижить даже и то, что есть. К довершению несчастья, мы выросли на одной французской литературе, вовсе не сходной с нравом русского народа, ни с духом русского языка. Застав ее, после блестящих произведений, в поре полемических сплетней и приняв за образец бездушных умников века Людовика XV, мы и сами принялись толковать обо всем вкривь и вкось. Говорят: чтобы все выразить, надобно все чувствовать; но разве не надобно всего чувствовать, чтобы все понимать? А мы слишком бесстрастны, слишком ленивы и не довольно просвещенны, чтобы и в чужих авторах видеть все высокое, оценить все великое. Мы выбираем себе авторов по плечу, восхищаемся д'Арленкурами, критикуем Лафаров и Делилев {Прево Арленкур (или Дарленкур) Шарль-Виктор (1789--1856) -- французский писатель, романы которого Белинский позднее называл "глупыми". Лафар Шарль-Огюст -- посредственный писатель (1644--1712), Делиль Жак (1738--1813) -- французский классицистический поэт, автор дидактических поэм.} и заметьте: перебранив все, что у нас было вздорного, мы еще не сделали комментариев на лириков и баснописцев, которыми истинно можем гордиться.

Сказав о первых причинах, упомяну и о главнейшей; теперь мы начинаем чувствовать и мыслить - но ошупью. Жизнь необходимо требует движения, а развивающийся ум дела; он хочет шевелиться, когда не может летать, но не занятый политикою -- весьма естественно, что деятельность его хватается за все, что попадется, а как источники нашего ума очень мелки для занятий важнейших, мудрено ли, что он кинулся в кумовство и пересуды! Я говорю не об одной словесности: все наши общества заражены тою же